
Введение

Проверено: 20 марта 1948 года

Александр Федорович Котс

Вместо эпиграфа

Я это говорил десять раз. Но без повторений обойтись невозможно. Я как-то сказал Прудону о том, что в его журнале часто помещаются почти одинаковые статьи, с небольшими вариациями.

- А вы воображаете, отвечал мне Прудон, что раз сказали, так и довольно - что новая мысль так вот и примется сразу. Вы ошибаетесь: долбить надобно, повторять надобно, беспрерывно повторять - чтобы мысль не только не удивляла больше, не только была бы понята, а усвоилась бы, получила бы действительные права гражданства в мозгу.

Прудон был совершенно прав. Есть две, три мысли, особенно дорогие для меня, я их повторяю около пятнадцати лет; факт за фактом подтверждает их с ненужной роскошью...

И что всего обиднее, люди будто понимают вас - соглашаются, но мысли ваши остаются в их голове чужими, не идущими к делу, не становятся той непосредственностью сознания и нравственного быта, которая вообще лежит в бесспорной основе наших мнений и поступков.

—А. Герцен - «Былое и Думы». Концы и начала. Письмо 3-е.

- И затем, должно всегда истину повторять, потому что ведь и ошибку все снова проповедают вокруг нас...

—Гете, 1828 (из разговоров с Эккерманом)

От автора

Опубликовывая настоящий том музейно-методических работ, необходимо предпослать ему несколько слов для пояснения их формы и фактического содержания.

Охватывая четверть века творческого изучения теории Музееведения и полстолетие практической работы, публикуемые очерки касаются самых различных областей Музеологии, - этой не слишком молодой, но методически едва лишь разработанной науки, медленно и с боем пробивающей себе пути к признанию.

Обнимая самые различные науки, избирательно используя приемы, установки, разработанные кафедрой, эстрадой, сценой, и киноэкраном, опираясь об итоги многовекового опыта психологов, ораторов, актеров, режиссеров, педагогов, декораторов, издателей и метранпажа, - современное **музееведение** доселе представляет поле бесконечных споров и недоговоренностей, арену беспробудного смешения элементарнейших вопросов содержания и метода, теории и практики.

Но даже более того. Как и во всякой неокрепшей молодой науке, неосознанной в своих границах, методах и вещном содержании, так и в музейном деле, эмпирически, стихийно и беспланоно слагавшемся попутно, параллельно росту им отображаемых наук, - лишь подтвердилась давняя истина о вредности так называемого «полу-знания», этого большего врага культуры, чем простое, изначальное незнание.

Как при распахке почвы легче обеспечить урожай, «вздрав» нетронутую плугом девственную землю, чем работая над почвой, засоренной сорняком, так и на светлой ниве умственной культуры устранение «идейных плевелов» требует больше времени и сил, чем творческая разработка новых мыслей, насаждение и претворение их на «чистом месте».

Но нигде эта борьба с «полу-наукой», полужнанием, не протекает так томительно-упорно, как в музейном деле, столь охотно привлекающем внимание музейных кустарей и полужнаек.

И причины этого двоякие.

Так, всего прежде постоянное упорное смещение роли, деятельности ученого и музеолога, точнее говоря: ученого в Музее и музейного работника, забвение элементарной истины, что можно весь свой век прожить в «Музее» и работать над музейным материалом, но не быть «музейцем», и обратно, быть новатором-музейцем, музеологом, не написавши ни одной строки по дисциплинам, составляющим фактическую, вещную тематику Музея.

И второй источник хаотичности суждений и мероприятий в области музейной практики: отсутствие практических критериев, проверки и ответственности в отношении последних.

Не в пример всем прочим сферам и разделам умственной культуры - школьной, лекционной, театральной, клубной и библиотечной, - промахи и упущения которых наступают явно и незамедлительно, содействуя их устранению, - ошибки в области музейного показа, «экспозиции», с трудом доходят до сознания самих музейцев, за отсутствием привычки и потребности опрашивать и проверять оценки и суждения самих музейных зрителей.

В итоге: построение музейцев «через головы» их потребителей, поскольку никакая апробация самим музейцем и «общественный просмотр» не способны заменить запросов и суждений рядового массового посетителя, реальной подлинной доходчивости **для него** тематики и формы ее внешнего показа.

А в итоге: полное смещение идеологии и ее вещного отображения, «языка вещей» и таковой устной и печатной речи, «техники» показа и ее «методики», замена догмой - доводов и деклараций - научной документации.

Но даже более того. Можно уверенно сказать, что подавляющее большинство музейцев даже не догадывается о факте этого смещения, - достаточное доказательство младенческого состояния науки в представлении этих лишь малопризванных ее адептов.

Сказанным определяется задача настоящей книги: очертить конкретно подлинную сущность музеологической работы, ее методы, ошибки, промахи, искания, творческие перспективы, плодотворное влияние на самые различные и мнимо-чуждые ей дисциплины: школьное преподавание, работы клубные, издательские и библиотечные, культмассовые, лекционные - короче - все пути и формы приобщения широких масс к свободно обретаемому знанию.

Таковы два основных момента, предопределяющие содержание и форму настоящего труда: борьба с упорным неосознаванием **музеологии** как целостной, особой дисциплины и недооценкой многогранного ее влияния на самые различные разделы просветительской работы за пределами музейных стен.

Этой двоякой целью объясняются две главные особенности книги. Всего прежде: элемент известной повторяемости содержания отдельных очерков. Но обусловленная разным временем их написания, такая повторяемость отдельных доводов или примеров может быть оправдана и той упорностью, с которой ряд грубейших промахов доселе допускается и защищается в музейном деле. Более, чем где либо здесь приложимы вещи слова - цитаты, нами взятые эпиграфом.

Менее спорной может показаться после сказанного выше - пестрота заглавий публикуемых очерков: она созвучна их фактическому содержанию.

Охватывая самые различные проблемы и аспекты музеологической теории и практики, статьи эти едва ли требуют особых комментариев за вычетом трех первых и последних.

Посвященные по существу одной и той же теме - выяснению самых основных, элементарнейших вопросов музеологической теории и практики, три первые статьи, неодинаковые по объему, разнятся только по степени детализации проблем и многогранности их освещения. Не склонные чрезмерно углубляться в музеологические дебри могут ограничиться поэтому знакомством с первым очерком, как содержащим «квинтэссенцию» последующих двух, и перейти к дальнейшим, посвященным каждый специальному вопросу, вытекающему из заглавий.

Что касается последних трех статей, то многогранность их заглавий только подтверждает сказанное выше о многосторонности путей, связующих музейную работу с таковою школы, лектора, редактора, сценариста.

Привести к осознанию эту обычно забываемую связь, заставить выйти современного музейца из музейных стен и перекинуть мост к другим разделам массового просвещения - заставить побудить его живее, шире, глубже осознать свое призвание, свой пост, передовой «на линии огня» культмассовой работы, как почетнейший, но и ответственной миссии на ниве умственной или - что то же - нравственной культуры, - в этом расширительном воззрении на музеи и музейных деятелей автор склонен видеть скромную новаторскую установку своего тридцатилетнего труда, как русского ученого и как советского работника.

На этом можно было бы покончить с нашим «вводным словом», если бы не опасение, что за широтой аспектов и минуциозностью аргументации не затерялся бы идейный лейтмотив - **патриотический**: глубокое и творческое убеждение, что осветить по новому задачу, роль музеев для широких масс дано только **советскому** человеку в его устремлении предельно сочетать идейность мысли, широту исканий с подлинной серьезной демократизацией науки, для служения родной стране Великого Народа-Победителя.

Проф. А. Котс